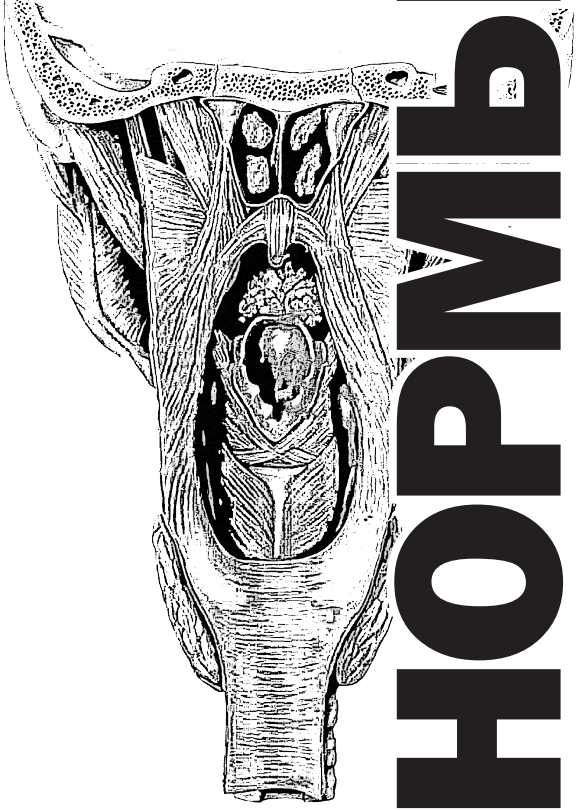
ПЁТР РАЗУМОВ

НОРМЫ



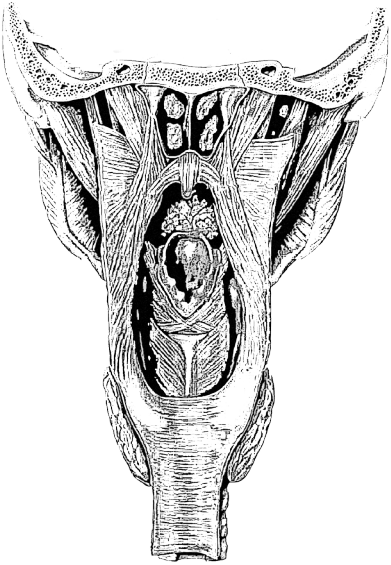
Пётр Разумов
НОРМЫ
Владивосток, июль 2017 - 112 стр.

НОРМЫ

памяти
художественных школ
и направлений

Всё правильно, всё сходится. Но как быть, если с ценностями всё в пределах нормы, а некоторые личностные качества, какая-нибудь самонадеянность дикая или безволие полное, поздно проявившиеся, грозят завести человека в полный тупик?

Национальный корпус русского языка



ПУСТАЯ КОРОБКА

Далай Ламе дарят пустую коробку
И он восклицает: «Wow, just what I always wanted!»
Но всё дело в том, что Пустота не негативна
Это одновременно полное присутствие

Таня говорит, что я не умею «быть»,
Т. е. существовать в конформных отношениях с миром

А, может быть, это с миром что-то не так,
Может быть, Кафка прав, и его (мир) стоит поправить?
А я «есть» в каком-то другом отношении,
Например, когда пишу и создаю эту антиматерию,
Имеющую некоторое отношение к пустой коробке?

Абсурдный мир тяжёл у Кафки,
поэтому он не может «быть» взаправду,
Потому что «быть» – это дружить с миром-в-себе,

А если внутри меня только чёрный его (мира) оттиск?
И вообще: может ли быть реальным то, что постоянно разрушается?
У меня, например, второй раз за несколько месяцев текут трубы
В ванной и на кухне
Не может обладать бытийственностью то, что постоянно течёт

* * *

В слепую пушка лупит

Бывает такое состояние, некое междоумье:
Между раздражительностью,
т. е. своего рода агрессивной активностью
И упадком сил и мрачным настроением

Может быть, это и есть идеальный (?) механизм тревоги,
Когда страх выражается в апатии,
То есть я хочу сказать, что эта скованность – защитный механизм
Это как пасть лапками вверх – так делают жуки

Всё же когда происходит что-нибудь действительно плохое
Ну, не плохое, а просто требующее
определённых действий по искоренению,
Намного проще собраться и начать что-то
А когда вот так, исподтишка
Как какое-то глобальное предательство,
Как то, что Никита называл «пустотой отсутствия» –
Пишешь смс своему психоаналитику:
«Поплакать, что ли…»

* * *

Перфекционизм – болезнь нижних,
Пятёрочников и тех, кто любит, когда его гладят
И я ей болею в форме раздражения, досады и, возможно, гнева
Даже научился выговаривать слово «бесперспективняк»,
Когда оно было в моде

Купил сегодня в секонде синюю футболку
С красивыми надписями по-английски,
Смысл которых от меня ускользнул
Постирал её с другими вещами в стиральной машине
При температуре 30 градусов, как делаю всегда

Мало того, что она покрасила другую, бледно-жёлтую,
Так с неё ещё сползла часть красивой серебряной краски
Наверное, надо было читать ярлычок
Ох уж эти надписи!

Всё это я рассказал с одной целью – пожаловаться
Открыть свой тощий длинный рот и сказать: ох!
Ну почему энтропия всегда побеждает?
Ну пусть не побеждает, но присутствует,
Разъедает каждый день,
Каждое доброе дело очерняет этой, казалось бы, ложкой дёгтя
Но психологически эта ложка с ведро,
Эта ложка как один-единственный комар,
Который зудит всю ночь
Когда ещё довольно холодно,
Когда ещё не купил пластины для фумигатора
И спастись ну просто не представляется возможным

* * *

Всё началось с разговора о «выборе»
Я жаловался на постоянно возникающую ситуацию,
Когда между одним и другим решением
Не остаётся зазора
Пытаешься интуитивно понять, что лучше:
Так или этак
Но выбор равномочен

Это может привести к ступору,
Дурному неделанию,
Можно что-то выбрать, а потом жалеть:
Упущена другая возможность

Удача может быть мнимой:
Купишь рубашку, а у неё рукава коротковаты
Или договоришься о встрече с приятелем,
Но накатывает такая тоска и тревога,
Что уже ничего не надо
И хочется поскорее домой

Чего я пытаюсь избежать?
Что я забрасываю? – это «бездна»!,
О которой говорит Пригов в «Школе злословия»
Она всегда разверста и закидать её можно только словами,
Что я и делаю в данную минуту,
Пиша это стихотворение прямо во время сессии,
А мудрая Аня, заслонённая треногой мольберта,
Мирно ждёт своего часа вступить в разговор

* * *

Аристократ не обременяет себя ничем внеобыденным
Линьцзы

Быт – это другой
Быт – это пыль
Пыль – это другой
Пыль – то внешнее, которое доступно аристократу,
Хотя нет, скорее – недоступно,
Она сильнее, она – то внешнее,
которое борется с внутренней целостностью
Быт – это иллюзия, которая формирует внутреннюю целостность

Быт – это порядок
Пыль – это беспорядок
В зависимости от того, порядок или беспорядок в доме, в одежде, еде и знакомствах –
Порядок или беспорядок в голове
Хотя, с другой стороны, в голове только мясо и кость
Пыль в голове – результат быта

Быт – это другой
Бог – это другой
Если есть Бог, есть внутреннее
Внешнее агрессивно
Бог – агрессор
Он формирует мясо и кость
Он формирует ощущение внутренней целостности
Отказаться от внутренней целостности

Отказаться от оптимизма
Расщепиться на внутреннее-внешнее,
Когда Бог – интроект быта, интроект пыли
Расщепление – это порядок,
Когда пыль внутри,
Когда быт внутри

Бог живёт в голове
Бог – это интроект, формирующий внутреннее расщепление
Расщепление – это война и мир с другим,
Война и мир с бытом и пылью
Убрать пыль
Убрать Бога
Поместить его в голову
Убрать из головы мясо и кость
Стать духом и другим для себя
Забота о себе
Забота о Боге
Забота о быте
Забота о пыли

Пожалуй, это главное!

* * *

Вот, хотел написать стихотворение
Про то, как Наталья Дмитриевна передала папе
Синий в крупную клетку шерстяной пиджак
А он оказался велик, и даже мне – не то, что папе
Я его всё никак не мог пристроить
Друг Ваня вообще не носил строгую одежду
Брату он не понравился
(Такие пиджаки принадлежали фонду, помогающему тем,
у кого нет пиджаков
Правда, это было давно, ещё при жизни Александра Исаевича
Шли девяностые, голодные и ослепительные
И пиджаки были нужны огромному числу соискателей времени,
Историкам, поэтам, их друзьям и братьям)

Нет тут сарказма,
«Архипелаг» нужно преподавать детям
А пиджаки носить по росту и плечам
Видимо, что-то не складывается в отношениях с Солжем у России,
Страны нефтепродуктов и политкаторжан

Ещё хотел написать про борьбу с энтропией –
Это моя любимая тема, она до сих пор не исчерпана
Как тема любви в творчестве Пушкина, Фета и Ярослава Могутина
Но как-то всё это порядком надоело
Моему несуществующему читателю,
Такому же привереде,
как я в отношениях с пиджаками и банальными темами

Хотел написать про триста миллиграммов «триттико»,
Отличной таблетке,
которая держит меня на ногах и в известном смысле в руках,
Не давая тревоге расклеить мои маршруты,
Навести на меня столбняк,
Отнять мой вечерний покой,
Расслабить мою волю
И вообще
Такое ощущение, что с ней можно
«Разрешаю, это значит – можно!» как пела классическая певица
Времён трудного пубертата
Шли девяностые, голодные, но богатые на искусство

Все эти темы, взятые сами по себе,
Не годятся для живописи
Ведь литература должна быть живописью,
Её трата коротка и важна,
Ответственна и категорична,
Всё, что она делает, должно взрываться, причинять боль,
Уводить от отчаяния или погружать в кому
Ровно то, что делает неписание –
Это забавно,
Когда отсутствие материального объекта искусства
Для того, кто его создаёт,
Уже проделало за это самое искусство всю работу
И остаётся надеяться,
Что через какое-то время
Слова слипнутся в нужные куски и пятна
И плохо и неспокойно станет кому-нибудь другому,
Которого, как я сказал, нет

* * *

Каждое слово – склеп, остов гроба, в котором болтается камушек
Это всё, что осталось от имени, данном ему Адамом

Задача – его растолочь и приделать ноги в сандалиях или мозолях
Чтобы стих мог останавливать время, превращая его в смерть,
Ведь запечатлённое время – смерть

Любая форма – музейный экспонат,
и важен лишь процесс её разложения
Поэт – археолог, геометр и гончар,
Сажает слово на круг
И оно наматывается само на себя,
Смежая закат в сноп новых колосьев света,
Который лился из форм, когда они были живы

Культура – могила и смерть
Табу отрезает от безграничного пространства
куски обработанной пашни
И плуг – всё, что есть в руках человека

Слово не должно быть протезом,
а должно быть частью человеческого мяса,
Докультурным «ау»,
Когда язык мял неразработанное

Моё любимое стихотворение Григория Дашевского –
«Пространство, наклонившись, всё сильнее…»

Оно о том, что снег сродни скребку,
обнажающему природу тела и времени
Как будто не тело существует в воздухе и Истории,
А воздух и время формируют наши рубежи
И чем сильнее мы вкопаны в грунт,
делающий неразличимыми наши черты
И черты всего, что случилось,
Тем мир краше

Противоречий много
Так хочется оставаться телом и словом,
Когда кипящий воздух уже принуждает отпечататься на самом себе,
Чтобы новый Адам взял своё и оставил искусство,
Но я приемлю любые возражения
Пусть тот, кто окажется более дерзок и молод,
Скажет лучше и по-другому
В конце концов, земля и смерть оставят и от него камушек
В гробу большого пространства,
Имя которому ещё не придумано

* * *

Я здесь каждый день
На стуле в углу, у прохода
В наушниках слушаю Дашевского или БГ
Такое сочетание несовместимых вещей
Раздражает кого-то, но не меня

Я здесь каждый день
Когда слабость и планы нарушены
Пишу на квадратных листочках,
Одолженных у санитарок,
Про горькое горе своё

Что жаловаться? Зачем?
Лучше мыслить и сочинять красивые метафоры
О том, что тень выползает из небытия на снег
Или безымянную реку, в которой оказываешься, потеряв имя
Всё это немного грустно
Всё это немного прекрасно

Я здесь каждый день
В дурную и светлую погоду
Сижу, заражённый безделием и отрицательной пустотой
Пытаюсь с помощью чтения и медитаций
Разложить тревогу на другие чувства
Иисус со смешанной с грязью слюной
Не приходит, а ждать его хочется

Я здесь каждый день
Кроме суббот, воскресений и других нерабочих дней
В нерабочей позе сижу у дверей, у прохода
На стуле, обитом чем-то несуществующим
Ведь материя бренна
И бренно то, что во мне
Форма и дух суть одно
И оно не страдает,
Если не сделать особенно больно,
Если не сидеть здесь, у прохода на стуле

Материя мажет детей, но едва
Её ты познаешь,
Неинтересно становится жить и сидеть у прохода
Форма и дух, пустота и огонь,
Однако во мне и во сне эти вещи случайны
И оттого кажутся твёрдыми

Здесь всё одно
Жди меня, стул, я вернусь
Завтра присяду к тебе у прохода
Форма и дух замолчать не дадут
И река без имени
Будет день за днём наблюдать мою тень,
Ещё живую, пока не стемнело и праздник длится

* * *

Сегодня со мной произошёл удивительный случай:
Я читал «Разговор о Данте», подустал и направился к выходу
из Дневного стационара Петроградского ПНД,
Дабы покурить во дворе

Вдруг моё зрение сместилось на стул
и я узрел второй том Александра Введенского
«Кто читает Введенского?» – спросил я
Никто не знал. Вроде новенькая девушка с чёрными волосами

Я спустился на первый этаж и сказал Лёше,
поклоннику философии Якова Друскина:
«Сенсация! На пятом этаже кто-то читает Введенского»
Мы поднялись и решили караулить

И вот, кажется, кто-то сел на стул, где лежала книга
Я струхнул, а Лёша пошёл представляться
«Это не она!» – возопил он
И, действительно, это была совсем другая женщина с газетой «Метро»

Потом мы обедали и обсуждали перспективы знакомства
Но после обеда нас ждало самое настоящее разочарование:
Галина Глебовна сказала, что книжку, которая лежит на стуле,
Несуществующая девушка взяла в комнате отдыха
Из шкафа, где стоят случайные книги,
Принесённые и оставленные пациентами
и другими доброхотами за ненадобностью

Так случилась моя не-встреча с девушкой,
Читавшей второй том Введенского
На стуле в Дневном стационаре Петроградского ПНД

* * *

Конечно, я хочу своего аналитика
И сегодня мне снилось, что она
Как та девочка-первокурсница, что приставала ко мне в перерывах
и предлагала дружбу
Тоже в тайне без ума от меня и моих стихов,
Расспрашивает обо мне общих знакомых и мучается
Мы сплелись как две лесбиянки,
Проникая друг в друга

Аня говорит, что я делаю её очень значимой
И, в то же время, абсолютно бессильной, неспособной помочь
Вот почему меня бросила Маруся в 2003 году!
Она не могла быть сильной и самодостаточной рядом со мной
Я делал её домашним зверем,
Очень любимым и безобидным...
А она даже не умела погладить меня по голове,
Когда мне этого хотелось –
Не получалось

Аня красива той субтильной красотой,
Которую я так ценю в женщинах
Она знает много пошлых анекдотов
И это сильно возбуждает
Но у неё есть муж
И она не позволит себе шашни с пациентом

Всё в моём сне было неправдой,
А только желанием,
О котором неловко говорить вслух
Но в этом сне я был абсолютно счастлив
У меня было всё, что мне нужно
Нужно, нужно, нужно

СОБАЧКА ДРУЖБЫ

Некий человек
Подарил мне когда-то фарфоровую собачку
Сказал, что она поднимает лапу в знак дружбы
«Вообще, – сказал, – я собака
Стоит меня позвать – тут же бегу!»

Я звал его много раз
Ценил, верил, слушал и благоговел
Потом, когда мне стало по-настоящему плохо
Я позвал его снова, а он
Сказал, что я «помоечный кот»
Что мне нужны бабы с пирсингом в интимной зоне

Собачка ещё долго оставалась со мной
Я всё чувствовал его присутствие,
Его взгляд и голос
Собачка падала с полки (была неустойчивой)
Но всякий раз возвращалась на своё место
Мне было жалко с ней расстаться

Пока всё окончательно не прошло
Его баритон в моей голове погас
И всё, что я к нему чувствовал
Отвалилось

Тогда я взял собачку
И отнёс её в ломбард
За неё дали всего сто рублей

КОАН О ПРИРОДЕ

– Что противоположно слову? – спросил Лёша

– Природа. Это сплошное непостоянство, о котором говорит твой Линьцзы

– То есть это хаос?

– По крайней мере, энтропия. Посмотри какой-нибудь научно-популярный фильм, там постоянно кто-то кого-то жрёт. И нет этому конца.

– То есть это Мара?

– Природа вне языка. Это беззаконное. Человек спит в природе. Она вокруг и она не может стать им. Это мучительно.

– То есть это как окружность?

– Она вообще недоступна

– То есть её уничтожить нельзя. Можно ли её взорвать?

– . . .

– Бесполезно, я уже и сам понял

* * *

Обожжённый дом в шинкарёвском пейзаже

Ветви рискуют, выпуская свою зелёнку
Ветви глупы, потому что не знают погоду на завтра
Будущего не существует, оно рождается как фантазм
Будущее корректируется поступками и судьбой
Греки изобрели все инструменты, чтобы мыслить
И жить внутри слов и разума

Я слишком осторожен
Нерешителен, потому что, как кажется, что-то понял
Понял про будущее, зависящее от прогноза
От воли и её количества, приложенного к настоящему
Трудно вступать в реку, которая однажды была огнём

Ветви рискуют и выигрывают
Фортуна, говорит Лёша, безмозгла
Она слепо распределяет блага и угрозы,
Справедливость – её имя

Ветви глупы и в этом их правда
Сермяжная правда напора простой силы,
Приложенной к настоящему без страха и заморочек
Я хочу быть веткой, несущей ярость
Я хочу быть глуп и свиреп в своём непонимании и атаке
Агрессия – вот моя мечта,
Недостижимая, как погода в прогнозе будущего

* * *

Даше Серенко

В романе XIX века
Флирт, интрига – это образ самого искусства,
Которое должно развлекать,
производить впечатление, вызывать улыбку
Это сексистская схема
Торжества доброй мужской силы,
Которая рада влюблять и красоваться
И манипулируемый читатель
Тоже рад

Много солнца и свободного времени
В этой модели искусства и жизни

Сейчас всё построено на договоре
Если умён, – примешь
Или откажешь, но будешь утешен тем, что
Понял и не подчинился

Такая схема сродни военной инициативе,
Игре на поле без заранее определённых преимуществ
В условиях конфликта множеств
и нехватки времени и объёмов памяти

Много суеты и раздражения
В этой коммуникативной модели
Много обиды и невысказанного,
И – что важно – много технической выверенности,
Роботоподобия

Солнце сексизма манит болящих нехваткой
Договор скрепляет невозможность
удачного выбора, последующего насилия
и возможного удовольствия,
Но гарантирует выплаты:
За талант, ум и качество

Так продолжается искусство и подчиняющаяся ему жизнь

* * *

– А ты не видел у меня в цитатах,
Как Вяземский укоряет Жуковского в том,
Что в нём недостаточно скотства и это гибельно?

Главное, – говорит Андрей,
Это амплитуда колебания между возвышенным и скотством
Помнишь «Однажды в Америке»,
как гангстер суёт дуло в лифчик девчонке,
И оказывается, что это всё, что ей нужно…
Если ты не трахал жену банкира во время ограбления, ты и не жил…

– Андрей, ты совсем сдурел, в тебе гопатизм не выкорчёвывается
Марк Стрэнд, так твою так, а на самом-то деле –
«Кровосток» один…

Так и будешь всю жизнь
выскребать остатки невыплаканных подростковых фантазий
О том, что у тебя самый горячий ствол и самый длинный писюк
Очнись, ты – художник, жилец вершин...

* * *

Если бы я не занимался поэзией,
Которая отнимает всё моё время,
Я стал бы художником
Как Андрей и Жан-Мишель Баския

Поэзия рождается в брожении
Надо быть фланёром и тунеядцем
Если бы не квартира на Петроградке,
Которую купила мне мама в 2003 году,
Я бы валялся в помойке или сквоте
С хиппи и наркоманами

Поэзия – жёсткое дело
Нельзя продать рукопись и нельзя отказаться от вдохновения,
Которое, как я сказал, отнимает всё время

Живопись ведёт в Сохо и на Пушкинскую-10
Она лучше
Берёшь холст, берёшь любую хрень
И намазываешь одно на другое
Её можно делать как бутерброды
Закусочных много –
Мясо одно и не для всех

Можно продавать гамбургеры,
Но при этом знать толк в мясе

Живопись обнажённее,
Категоричнее, отчаяннее
Поэзия – дело конструкции
Здесь можно просчитать,
Остраняя всё, о чём говоришь
Делать систему,
Оставляя бреши

Живопись – это край,
Здесь нет посредственности,
Здесь один огонь и муки

Если бы я не занимался поэзией,
Которая отнимает непосредственность
И располагает к компромиссам,
Нелюбви к хиппи и алкоголю,
Презрению самого себя и многих,
Я бы стал художником,
Диким и безжалостным
Как Андрей и Жан-Мишель Баския

СВАДЕБНЫЕ СБОРЫ

– Я один! Как чмо! – кричу я в коридоре таниной квартирки
А я не чмо!
[Таня сидит и красит глаза, мы собираемся на свадьбу]

Посмотри, – говорю, – русскую десятку на ru tv
Девушка в нашей стране имеет две опции:
Животное для секса, «малолетка дура дурой»
И вдруг – работница кухни и заботливая мать,
Готовит вкусный и полезный десерт из творога́
А вот как из одного получается другое,
Остаётся загадкой

Вообще, большинство наших сограждан
Предпочитают следовать социальным стереотипам
Так проще
Это как голосовать за Единую Россию
Или сниматься в мультфильме
А потом накрывает реальность,
И девочки остаются на улице с детьми на руках
Становятся социальными вдовами,
У которых вместо розовых лошадок
Одна блокада
И удивляются

Вот поэтому я один
Как чмо
Но я не чмо…

– Я феминист!
– Только не рядом со мной, – возражает Таня, –
Я маленькая.
– Да рассказывай! Ты сама феминистка, только прикидываешься для мимикрии
– Только ты об этом знаешь?..

Через какое-то время Таня недовольна,
что вошла и не вошла в стихотворение:
– А я? Есть же я, которая не такая!
– Ты одна на весь город. Солженицын называл таких людей «праведниками»

Звонит такси и мы выходим…

РАССУЖДЕНИЯ В ЛЕТНЕМ КАФЕ

Аня считает, что умные люди всегда создают удобную ситуацию.
Т. е., продолжаю я, комфортную и безопасную
Для себя
Здесь дело даже не в логике эгоизма,
которая может и чаще всего ломается,
А в том, что мы исходим из благорасположенности
Такого человека к людям и миру, да и к себе

Но есть злые умы,
Они, например, любят кривляться –
Помянем здесь русского человека Достоевского,
И, как правило, носят публику в себе
(Им даже не надо выделываться перед кем-то,
чтобы получить удовольствие),
Одновременно они провоцируют окружающих
стать участниками их театра
Они хамят!
Можно сочувствовать хаму, который не знает, что он хам
И постоянно страдает и удивляется
Но есть осознанное хамство
Это хамство своеволия и безнаказанности,
Когда мир – зеркало тех теней мазохиствующего нутра,
Которые стремятся стать сценой речи и поведения

После такого разговора Аня спросила нас с Таней:
– Ребята, вы всегда так?

РАССЫПАВШАЯСЯ ПУГОВИЧКА

Александру Смулянскому

Классический пример того, что я постоянно ощущаю –
Это пуговичка.
Я гладил горячим утюгом с паром чёрный плащик из секонда
(Мне вообще не стоило его покупать
Денег было в обрез и теперь их не хватает
Придётся клянчить у папы)

Так вот, сначала я его постирал при температуре 30 градусов,
Всё как обычно,
Но я не догадался отключить отжим
В химчистке сказали: металлизированная нитка
Он весь скомкался
К тому же у него изначально отсутствовал пояс
Короче, это какая-то череда кастраций
И боль

Последней вешкой стала пуговичка,
По которой я прошёлся утюгом,
И она надломилась и с одного края рассыпалась в белую пыль

Вот эта пуговичка меня сейчас больше всего тревожит
Я всё сделал, чтобы достичь наслаждения
Получить объект и распорядиться им
Но по мере присвоения он превратился в белесую крошку
Эта пуговичка как космическая неполнота в гностической системе
Меня тревожит как мелочь, как образ, как заусенец
Это то, что не даёт спать и есть

Т. е. я сплю и ем, но без аппетита
Где чёртов принцип Нирваны?
Какого хрена я не счастлив,
Не молод, не богат, не на вершине успеха?
Где социальные лифты,
Где сахарница с кокаином, кабриолет и белые леди в шляпках?

Был фильм про мафиози родом из Кубы,
Его играл Аль Пачино
Он нашёл гениальный ход:
Когда герой, достигший социального потолка,
Хочет взбодриться, привести себя в порядок,
а, может быть, вообще ему хорошо,
Он подтягивает брюки, как будто они на размер или два больше
Это принцип босяка
Вообще угнетённого, телезрителя,
голосующего и невротика навязчивости…

Дайте мне целую пуговичку, и я сдвину мир!

ПЛОХОЙ

Когда первая девочка, которую я полюбил
Не отвергла меня, но быть с ней не представлялось возможным,
Я почувствовал себя лишним и одиноким,
Обиженным, и, в конце концов, просто плохим
Недостойным ничего в этой жизни

Двоих бросил я, одна бросила меня
Потом пришёл большой медведь и растоптал меня в пыль
Я заболел душевной болезнью и стал плохим

Все отношения были компенсаторными по отношению к первым
Я пытался быть нужным,
Быть весёлым, общительным, добрым и нежным
Быть хорошим

Многие качества я утратил с годами
Я уже не могу быть весёлым,
Во многой мудрости много того,
                что возвращает тебя к первым отношениям
И по ночам начинает сниться первая девушка,
Потом девушка, с которой расстался по недопониманию
Или по важным причинам
А потом долго кусал лапу и ныло под рёбрышком
Чувствовал себя обиженным, ненужным, одиноким
Был хорошим и плохим
Хорошим в мечтах и плохим для мира

Теперь, когда манящий объект так притягателен,
Так хочется на него напасть, смять, присвоить,
Потом пожалеть, укротить, умаслить
Долго ухаживать, баловать, целовать
Смеяться вместе
Заниматься любовью
Есть апельсины
Чувствуешь себя – каким бы вы думали?
Плохим-плохим
Одиноким, заброшенным, ненужным…

* * *

Аня говорит, что я делаю мир виноватым
– А он не виноват? – спрашиваю я

Трудно быть с человеком несчастным
Он загрязняет зону комфорта вокруг себя
Эта интимная зона разрушается той агрессивной жалобой,
С которой он ходит

Аскетизм, который он проповедует,
Начитавшись соответствующей литературы,
Будь то кассета с записью лекции священника,
Которую купил в 11 лет
Или роман Солженицына,
Делает его недоступным для радости
Той радости, которая возникает в коммуникативном схлопе,
Когда двое встретились и решили разделить одиночество

– Мы вместе, чтобы не быть такими одинокими, –
сказал я однажды Марусе, и она обиделась, а, может быть, испугалась

И я понимаю тех, кто мне отказал
Я мрачная и довольно сильная натура,
А женщины редко хотят разделить одиночество, боль и несчастье
Спасающих не много

РЕСЕНТИМЕНТ КОНТЕЙНИРУЕТ ЧУЖУЮ ВИНУ

Володе Беляеву

Всю ночь снились сны,
В которых родные обвиняли меня
В разных существующих и несуществующих неправдах

Я точно виноват
И все вокруг виноваты
Дело в том, что это связанные вещи:
Когда человек ресентимент встречает неправду,
он испытывает сильный гнев
Он обвиняет другого, используя запас ярости,
которая прикреплена к его нечистой совести

Если обвиняют его, ему становится легче
Во-первых, потому что мазохистический паттерн сработал
И запас гнева на самого себя стал поступком другого,
Которого можно даже уличить в чрезмерности
И обидеться

Во-вторых,
только таким образом можно стать хорошим в собственных глазах,
Ведь жертва правее насильника

Взаимная агрессия – это инструмент кодировки и декодировки боли,
Своеобразный договор,
заключённый между жертвой и насильником
В этой формуле «насильник» –
часть желания и внутреннего мира жертвы,

Который необходим, как клапан,
Открывающий и закрывающий энергию

Когда клапан открыт, агрессия льётся чистым потоком
И если рядом нет объекта справедливого негодования,
Жертва терзает саму себя,
Разрушая и поддерживая свою идентичность,
свой статус ресентимент

Эту записку я кладу в рот самому себе
и отправляю вместе с телом в кабинет –
«Пускай она поплачет,
Ей ничего не значит...»

КОАН
О ПРЕИМУЩЕСТВЕ ВОСТОЧНЫХ СИСТЕМ МЫСЛИ

– Есть буддизм, – говорит Лёша
– Да, это единственная вещь, которая предлагает разрешение неразрешимого…

Результат, как и наслаждение, абсолютен
Достичь результата, как в том мультфильме об Икаре,
может только мёртвый или новый –
Это и есть образ сансары, вечного возвращения
– То есть Нирваны достичь нельзя?
– Нельзя, оставаясь человеком
– Я нашёл Слово, это и есть выход
– Нет, там, где слово – там система, это христианский Бог…

Я как писатель знаю цену словам
Она может быть высока, но не абсолютна
Слово – инструмент, как вообще – всё: стул, дверь…

[Позвали на обед, и я прекратил записывать]

* * *

Нерасторопный лесной комар
Не то, что городской
Того убить – раз плюнуть
Махом превращается в кровавый комок на ноге

Городской комар влетает в окно, когда оно открыто настежь
Жарко и хочется много воздуха
Даже таким холодным летом, как это

Так вот, комар городской влетает в окно
Он шустр и выворачивается, когда его хватаешь,
Хлопаешь в ладоши, бежишь, наклоняешься
Он теряется на фоне разных предметов, ковра

Я люблю комара
Он зудит как моя нечистая совесть
Стоит не закрыть дверь на ночь
И фумигатор уже не справляется
Как уехавший в отпуск аналитик

Нерасторопный лесной комар
Ни чета моему городскому

* * *

Комары – неправильные чуваки
Они как сосед снизу
Жужжат и сосут
Непонятно, что им надо?

Говорю: чё ты мне тыкаешь? Тебе сколько лет?
А он говорит: хочешь, помогу тебе выкинуть твой холодильник в окно?

У него маленький ребёнок,
А у меня ирландские танцы
Имею я право на небольшой ирландский танец полдесятого?

Я говорю: вызывайте ментов
А он говорит: тогда разберись со своими жильцами,
чтобы всё было официально…

Короче, мой сосед снизу – неправильный чувак
Он как комар
Жужжит и сосёт
Ему надо то, что не надо мне
О чём он вообще думал, когда покупал квартиру
в старом фонде с деревянными перекрытиями?

У него маленький ребёнок
Я не завидую маленькому ребёнку,
У него тревожный отец,
Которого раздражает старый холодильник в углу кухни этажом выше

Это настоящий комар
Жужжит и сосёт
И сын его будет комар

А что, если сын не пойдёт в отца
И не примет его взгляд на вещи?
Мне бы этого хотелось…

* * *

Вот я почти женат
Аня кушает мои борщи, приятно подрагивая
Поэзия вытекла из моей жизни сама собой
Даже стал выпивать
Понемногу и хорошие напитки

Но не с горя, не потому, что имею к борщу идиосинкразию
Идиосинкразию я имею скорее к книгам, которые продаю
Товаровед Татьяна давно просит рекламировать их магазинчик
Посередине между Большим и Средним проспектом,
На восьмой линии, во дворе
Хороший букинистический магазин, возможно, лучший в городе

Осень выдалась холодная и, как всегда, бессолнечная
В такое время раньше грели стихи,
Которые худо-бедно писались
под сурдинку проносящихся дождевых туч

Теперь не то
Ведь я почти женат
Аня вышла по делу, а я присел по старинке к клавиатуре
И накрапываю эти запоздалые признания

Поэт и суфий Александр Ильянен сказал, что поздравляет,
Что наконец-то я бросил писать стихи
Я разделяю его энтузиазм
А вдруг получится?

* * *

Аня слушает Янку полулёжа на нашем диване
Я предлагаю ей создать заговор милосердия
Чтобы милосердствовать друг другу:
Заваривать чай и чесать спину
Будить и укрывать
Напоминать о важных звонках
Не обижаться на мелочи
Ходить в магазин «Спасибо» за новыми шмотками
Носить тёплые носки
И курить дорогие сигареты на кухне

Заговор милосердия!
Аня говорит, что это похоже на песню Окуджавы
Но я не согласен
Не то, чтобы Окуджава в чём-то провинился
перед нашей большой литературой
А просто мой заговор состоит в том,
что в нём нет ни пафоса, ни гуманизма,
А есть маленькая доля того тепла,
Которое невозможно выдумать с помощью литературы

Вот «Войну и мир» в школах скоро заменят на «Закон Божий»
Это заговор придурков
Им надо ответить не бюллетенем и не игнором
Им надо противопоставить смысл,
Который рождает мелочь, возникшая как быт и решение:
Заготавливать добро

Греть суп
Судить о важном
Говорить по-детски
Кидаться бумажкой
Обижать кота
Гладить джинсы
Выносить мусор на две возможные помойки,
Одна по эту, другая по ту сторону дома

* * *

А. Б.

Солнца нет
Нет часов
Нет хлопот
Полон рот

Даже если всё всхлоп и неправда
Мы вдвоём, нам огонь
И постель, и поесть
И всегда
Ерунда и дремота
Скрыть, приветить
Всегда
Раз на раз
По-любому обид и тревог
Два когда
Это всё

Это Бог не даёт
Схлопотать и развеять

Будет теперь хорошо

«ВОСКРЕСЕНЬЕ»

Вчера вечером Аня сказала, что не поняла моё стихотворение
Было досадно:
Зачем я опять фантазирую, использую рваную речь, монтаж…
Надо как поздний Толстой, отказаться от литературы
И написать своё «Воскресенье»

Аня сказала, что её не зацепило
Что типа у нас всё хорошо – и что?
Хорошо – вот что сложно описать

Вопреки досужему мнению о том,
Что писать можно только, когда нечего есть
И черти скребут под рубашкой,
Несчастная любовь или война,
Я пишу просто про то, что всё хорошо

Нелегко передать спокойствие и чувство удовлетворения,
Когда всё складывается, когда тепло и уютно,
Кот ходит по полу, чайник шумит, бурля кипятком,
Всё это оборачивается несусветной пошлостью…

Всё так,
Поэтому Лотман рекомендовал вставлять старое содержание
В новую структуру, сложную для восприятия
И создавать тем самым новую сложность
Тут можно запутаться, говоря о структурах и смыслах,
Поэтому я просто не буду больше терзать своего читателя
А буду просто говорить:
«Хорошо», когда хорошо
И «прекрасно», когда прекрасно

О ПОЛЬЗЕ РЕЖИМА:

Если просыпаешься рано и надо идти по делам
Бодрость сама собой возникает в сонном теле
и оно модернизируется
Под задачу

Если вставать не надо,
сон плетётся за тобой длинной вязкой струйкой
То прерывается, то накатывает
Встаёшь как и не спал
Разбитый и мрачный

Не надо сидеть и искать отдыха
Надо назначать встречи,
Принимать участие,
Ходить на выставки и в кино,
Кушать кебаб,
Пить коньяк из маленьких бутылочек,
Покупать арбуз и масло

Потом, когда все дела заканчиваются и наступают ранние сумерки,
Хорошо вернуться домой и приготовить ужин:
Курочку террияки или шницель с пюрешкой –
Накормить зайца,
Обняться, сменить одежду,
Присесть к ноуту,

Накропать стишок или мини-рецензию для журнала «Воздух»,
Можно написать короткое письмо в Америку,
Просто посмотреть сериал
Или курить и пить кофе

Но лечь спать надо рано, вовремя – это условие того,
Что следующий день не разочарует
И пройдёт в бодрой жизнеутверждающей обстановке

О ЦЕЛЕПОЛАГАНИИ

Страх и агрессия – вот всё, что мною движет,
Мотив любого поступка
Сегодня раздражение особенно всеохватно
Надеюсь на шарлотку, на которую приходится отвлекаться,
когда это пишу…
Заяц готовит, я помогаю – что может спасать спасительней?

Сегодня хотелось, чтобы со мной заговорила Ольга Юрьевна,
психотерапевт
Я бы сказал ей:
Ольга Юрьевна, давно хотел Вам признаться:
Когда я получу Нобелевскую премию,
Я разрежу медальку на две равные части:
Одну отправлю письмом на кафедру русской литературы
Герценовского Университета
Ольге Владимировне Евдокимовой,
Которая загубила мою академическую карьеру…
Не то, чтобы я сильно тоскую по академическим карьерам,
Но всё же это было весьма неприятно…

Вторую часть медальки я подарю Вам, Ольга Юрьевна
Зачем? – спросите Вы
Понимаете, пока я не получу Нобеля и не приду к Вам в диспансер,
Не найду Вас на четвёртом этаже, войду в кабинет,
вручу эту половинку,
Вы не поймёте

А вот если это случится, тогда, возможно,
Вы сможете пережить эти несколько минут
Сомнений, раздражения и страха
Которые руководят всеми моими поступками
Мы на несколько минут поменяемся местами
Я окажусь сверху
И садо-мазо кольцо схлопнется в целое
Раздражение и страх перейдут в удовлетворение,
А Ваше самодовольство будет угнетено чем-то вроде совестливости,
Если такое возможно

НОРМЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Смотрел вчера повтор «Что? Где? Когда?»
В общем, не стоило это говорить, потому что источник сомнительный
Не пристало поэту, тщету презревшему, лупать телик по вечерам
Тем не менее:

Шопенгауэр говорил, что талант – это такой человек,
Который попадает в цель, в которую другие попасть не могут
А гений – тот, кто попадает в цель, которую другие не видят

Я подумал немного, и понял –
Я как художник всего лишь талант,
Не могу прорвать реальность так,
Чтобы жир потёк
Типа написать «Бройлер» в начале восьмидесятых
Чтобы это было за пределами искусства,
Станцевать какое-нибудь перформативное стихотворение,
Написать поэтическую программу для VR,
Но могу виртуозно сыграть существующие ноты,
Сделать это более-менее лучше других

А вот жизнь свою строю так, как будто я гений
Как будто мои приоритеты и цели – что-то реальное
И будут дивиденды, откат быта за счёт духовки,
Публикации на луне и искусственные лёгкие,
Когда эти от сигарет сморщатся в два тёмных сухофрукта

Имею ли я на это право?
Андрей говорит, что да
«Главное – величие замысла!»

ИЗ РАЗГОВОРОВ ЗА СТАКАНЧИКОМ КОФЕ ЗА 45 РУБЛЕЙ

– Можно ли наказать вещь? – спрашивает Лёша
– Боюсь, что нет
– Это меня беспокоит
Безнаказанность вещи
Она даже боли не испытывает

К этому разговору мы пришли через идею Бога,
Который не может ничего создать
– Создать может только человек, – говорил я, –
Потому что у него есть страдательные функции
Тело и нечистая совесть
– Я мазохист, – говорил Лёша
– Нет, ты просто ресентимент
Это другое

Сегодня мне приснилось, что читаю лекцию о природе человека
Пишу на доске: «Я. Оно. Сверх-Я»
Потом стираю и пишу по новой: «Я. Сверх-Я. Оно»
Голос из второго или третьего ряда:
– Фрейд только для проституток!
Отвечаю: «Вы не читали его работ»
– Это уже не бессознательное, – прокомментировал Лёша

* * *

Нервничать можно по поводу и без повода
Иногда кажется, что вечер – это просто время для нервов
Заходит солнце и тянет на себя спокойствие,
Которое соскальзывает как одеяло в прохладную ночь,
Принося дискомфорт

На самом деле Солнце остаётся на месте
Это Земля скользит, стягивая с меня позолоту света
Того маленького органчика, который заводит мой день

Утром всегда хорошо
Особенно, если есть время принять душ
Бодрость и скорость вращения организма в социуме
Дают переизбыток, радость и спокойствие

Ближе к вечеру наступает время думать о деньгах
Думать о том, что надо прибрать в квартире,
Накормить кота, сварить суп, погладить или постирать бельё
Все эти заботы ежедневны и муторны
Они никогда не заканчиваются
Как вечерняя тревога и пустота,
С которыми необходимо бороться
Хотя бы просто терпеть

Нет особых причин для волнения
Иногда кажется, что это просто Солнце
Отползает за горизонт,
Пригладив всё живое в моём организме,
Лишая его позолоты и прилепляя к нему ржавую мрачную тень,
Имя которой – страх

НАКАНУНЕ

Аня заняла компьютер, который у нас один на двоих
И приходится писать на простой бумаге А4
Это мучительно
Всё равно, что гусиным пером
Буквы медленно выползают из-под чернильной палочки,
Пачкая хорошую простую бумагу

Завтра 30 октября, и мы пойдём читать имена
К Соловецкому камню
Я прочитаю имена обэриутов, которые писали
Чуть ли не гусиными перьями
В гусиных своих тетрадочках
И складывали эти писания в большие дерматиновые чемоданы
Больше нести эти стихи и прозу было некуда

Аня пишет программу
и рассказывает мне про шаблоны проектирования,
Блоки и кирпичи
Это её метод

Мой метод – писать с помощью клавиатуры в программе Word
Тогда получаются стихи, с помощью которых
Можно разговаривать с современниками

Завтра 30 октября, день памяти обэриутов
Они ушли как трава под землю
В ровных рядах таких же как они малых травинок,
Скошенных и заброшенных

Аня заняла компьютер и пишет программу
На языке С++
Которого я не знаю,
Но я знаю другие языки,
Выкупленные у вечности и вывезенные на блокадных саночках
Яковом Друскиным, философом-обэриутом

Это они, эти языки, являются для меня шаблонами проектирования,
Кирпичами и блоками
И я могу писать чуть ли не пером,
Выдавливая из палочки чернила на простой белый лист А4

Языки приходят тогда, когда появляются материалы,
Способные их сохранить
И с особой силой работают тогда,
Когда эти материалы разрушаются

Бумага мне мешает
Страшно мешает думать и складывать
Я привык к программе Word
К её скорости и другим функциям
Отними её у меня, и я не смогу написать ни строчки

Завтра 30 октября
И я,
Ни строчки не написав,
Пойду с Аней к Соловецкому камню
И почувствую себя маленькой травинкой,
Блоком или кирпичиком,
Корпускулой языка С++ или чернильных палочек,
Чем-то нелепым в своём желании распространяться
И пачкать белые листы

* * *

Я понял, что меня по-настоящему волнует:
Возможно ли НЕсовременное искусство?

Этот вопрос можно разделить на составляющие:
1. Является ли то, что делают современники, современным?
2. Не является ли то, что кажется современникам несовременным,
а) мусором б) антиквариатом
3. Не будет ли то, что кажется
а) несвоевременным б) странным
со временем признано по-настоящему современным?
4. Не являются ли те, кто делает современное искусство,
Просто людьми, не знающими о том,
Что они современны всем остальным:
а) не делающим современное искусство
б) не умеющим его делать
в) не разбирающимся в искусстве вообще

Я понял, что меня по-настоящему волнует
Это неспособность сделать такое искусство, которое взрывает мир,
Как пел рокер в майке «Fuck off»
В передаче «Программа «А»»

Как мне сделать этот fuck?
Чтобы
1. Те, кто делает современное искусство, сказали бы:
– Да, старик, это современное искусство!
2. Те, кто вообще не занят искусством, сказали бы:
– Чувак, кажется, это искусство!

3. Те, кто привык к модернистскому искусству, сказали бы:
– Блин, это заставило меня выйти из зона комфорта,
Мне стало не по себе,
Я захотел блевать и ругаться матом,
Дабы охранить заветную лиру предшественников,
На которую посягает нечистоплотная сволочь
В майке «Fuck off»,
Размахивая своим микрофоном
И взрывая привычные представления о возвышенном

Пожалуй, это то, что по-настоящему меня волнует

БОГ НА ПРОТЕЗАХ ПРОТИВ БОГА СТРАДАЮЩЕГО

Зависть бесплотного Бога проявилась в том,
Что тот решил стать страдающим существом,
Почувствовать вкус жизни и творчества –
И воплотился

Но он не смог долго терпеть боль
И ничего не создал,
Потому что это противно его природе
(Вообще, есть ли у него природа?
Во всяком случае, он имеет к ней
Некое негативное отношение)

Человек болеет и создаёт
И отличается от Бога прежде всего тем,
Что может терпеть и контейнировать

Сублимация – вот то, что антидуховно и внебожественно
Быть как Бог – ничтожно и унизительно
Быть как человек – больно и праведно

Бог – это тот, у которого ничего нет
Он сидит грустный (?) и одинокий,
Потому что ему безумно скучно,
На своих облаках
И мечтает о тёплом хлебе

На небе нет иллюзий
Земля – их дом
Человек – вот большой взрыв,
Из которого возникает воображение и природа

– У кого-то из Высших сущностей поехала крыша
И мы живём в её галлюцинациях, – комментирует Лёша

РОССИЯНКА

Лёша стал загонять что-то про Revolting Cock's
Я сказал: «Я всё это перерос
Хочу нарисовать портрет Ларисы Черниковой»
– Это же попса какая-то
– Понимаешь, это милосердный образ России
– Объясни
– Да, мягкая сексуальность России

Всё, что имеет агрессивно-проективную направленность,
Например, русский авангард, Малевич –
Всё это чрезвычайно вредно,
Ведёт к деспотии и деградации,
А Лариса Черникова –
Это как бы негатив (?) этой деградации,
Абсолютная непретенциозность,
«Человек в плаще» Иосифа Бродского

Но дело не только в этом
Сексуальность всегда агрессивна,
Но такой тип сексуальности, как у Ларисы Черниковой –
Это мягкие объятия Нирваны
То, что иногда испытывает непьющий человек с похмелья
Вот эти мягкие объятия –
И есть положительная русская программа,
Милосердие par exelence

– Интересно, – сказал Лёша, –
Мне больше нравятся «Стрелки»
Белые девушки, светлые, девушки Фортуны...

НОРМЫ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ

Землица рыхлая под домом номер 4
По Ропшинской улице –
Вот всё, что я знаю о Родине
Скирда и чёрный хлеб –
Прошлое,
Оставим эту жатву Есенину и Рубцову,
Оставим этот урожай древним московским богам,
О которых мы знаем только то,
Что они существовали

Современность не приемлет землицу
Она закатывает её в шершавый и чёрный, как она сама, асфальт
Эта мимикрия материалов рождает иллюзию присутствия
В патриотическом дискурсе и меня, городского жителя,
Так же редко видящего землицу,
Как редко бывает солнышко в морозном небе моего города

Что мы любим, говоря о малой и большой Родинах?
Возможно, мы любим Ункулункулу,
Деревянного бога из поэмы «Зангези»
Это так же дико для Есенина и Рубцова, как естественно для меня

Скирда и жатва, урожай и хлеб
Не греют сердец путников электричек,
автобусов и личных автомобилей,
Буравящих и скользящих,
втаптывающих и приводящих дорожные покрытия в негодность

Землица бунтует, но её всё меньше,
оковы страха делают её почти незаметной,
Её стоны и проклятия становятся всё глуше,
Её песни, сочинённые Есениным и Рубцовым,
вымарывает чёрно-жёлтый город дождей, снега и электричества
Причём больше всего в этих пейзажах электричества,
Его всепроникающий ток
заставляет работать механизм отчуждения,
Механизм разрушения
репрессивного дискурса большой литературы,
Крестьянской, советской, дворянской…

Всё, что я знаю о землице –
Это то, что она существует
Как гравитация, невидимая и слабая
Я, маленький человек из квартиры 34,
Знаю её запах, цвет, функции
Но вряд ли привязан к ней
Как поэт и гусар Лермонтов,
Как жизнестроитель и байстрюк Фет,
Как какой-нибудь кто-нибудь,
Утонувший в её летних и снежных полях навсегда

* * *

Сегодня с Андреем, художником, достойным уважения,
Ходили смотреть на «Впечатление от сна, вызванного полётом пчелы»
Пчела, воплощённая в тигра, колола винтовкой красивую деву
Мы были очень довольны
Наконец, то, что мы видели на принтах,
Зеленоватых советских репродукциях,
Крупнопикселивых постсоветских постерах,
Книгах, лишённых вкуса,
Предстало в своей невинной очевидности,
Т. е. очи видели
И было «хорошо»

На выходе из Зимнего
Нас застало крошево
Писк корпускул белого цвета воодушевлял меня
И огорчал моего спутника
– Это мёртвая красота, – говорил он,
Чтобы в ней пребывать, надо кутаться в три слоя одежды,
Всё белое и белое,
Нехорошо

Дома Аня добавила, что из-за снежных заносов и гололедицы
Гибнут люди
Пурга, мрак предзимний…

А я вот не циник
Может быть, потому,

Что у меня нет автомобиля и фотокамеры,
И Дали пробурчал во мне каким-то дыр бул щылом
Всё как-то смёрзлось в одну белую конфету
И она запела как шмель,
Принося сон и наплывая образами

* * *

Как-то один физик,
Любивший фильм «Властелин колец» в переводе Гоблина,
Спросил меня, студента:
– Что такое язык?

Я, конечно, мог бы ему сказать,
Что язык – это «коммуникативная система»,
Обладающая энным количеством функций,
Но я ответил вопросом:
– Что такое материя?
Он улыбнулся и, возможно, что-то понял

– Материю определить проще, – говорит Савва
Сегодня мы пойдём с ним пить шампанское из чайника
[это была аллюзия реминисценция – нужное подчеркнуть]
… на самом деле есть борщ из кастрюли
Борщ – это материя
Мы будем её поглощать и преобразовывать

Я подумал, что на вопрос физика
Можно было бы ответить:
«Язык – это то, с чем мы имеем дело»

– Да какой я лингвист, – говорит Савва,
Я даже забыл, что такое эргативный язык

ТВОРЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО «0+»

Ходил на выставку современного искусства
Ничего особо не ждал,
но Полина так страстно рассказала про все работы
Показала, где цитата из письма Арто, а где Маша Годованная

Маша оказалась коротко стриженной блондинкой,
Знатоком феминизма и видеоарта

В общем, было очень здорово повидать всех,
Обнять Женю Шторна, поболтать с Филиппом Кондратенко

Но вот беда: я страшный мизантроп
Необходимость путешествий по тёмному,
заваленному по крыши снегом, городу
Сквозь людей, этих непрекрасных соотечественников,
Которые так и норовят стрельнуть у тебя сигаретку
Или посмотрят исподлобья своими воловьими глазами
В общем, я страшно устаю

Как будто съел какашку,
Вся эта нечисть вокруг площади Восстания,
Необходимость есть бургер стоя,
среди всех этих нарядных убийц чистоты…

У Вячеслава Курицына в предисловии к одной известной книжке
есть пассаж

О том, что вот стоишь, бывало, – ссышь за ларьком,
И такой морозок по коже спины пробегает –
Вдруг кто-нибудь толкнёт, или мент…

Вроде я и не за ларьком, а так чудовищно не по себе
От необходимости идти вечером к автобусной остановке –
И все эти встречные прохожие,
Они как будто через меня прошли
Так и ощущаю их следы в теле, повсюду…
Умыться, скорей умыться

ИЗ РАЗГОВОРОВ С САВВОЙ ПЕТРОГРАДСКИМ

Мы сидим с Саввой на кухне
И рассматриваем в телефоне картинки Магритта

– Был у меня однокурсник, – говорю я, –
Так вот он уже тогда купил книгу Мишеля Фуко
«Это не трубка»,
А я в то время читал странные писания Лотмана
Вообще, я как удав:
Заглатываю какую-нибудь вещь, которая кажется мне важной,
И, пока не переварю, не могу что-то другое изучить или понять

И вот я думаю:
Когда же, наконец, я стану современником своих современников?
Буду писать стихи как Никита Сафонов,
Издаваться на крафтовой бумаге, получать премии?

Тут зазвонил телефон и женский голос сказал:
– Я по объявлению. Мне нужен шарф на подарок, с бирочками
– Такого у меня нет, извините, – промямлил я
[пауза]
– Савва, а ведь это была современность!
– Где, когда?
– Да вот, в трубке
Пожалуй, надо скупить полгалереи
И устроить из шмоток с бирочками костёр на пл. Восстания
И ещё написать плакат:
«Это не галерея»
– Я не очень понял идеи, которая за этим стоит, –
сказал, засмеявшись, Савва

КОАН О СУБЪЕКТЕ

Лёша интересуется вопросом,
Возможен ли беспредельный субъект
– Внутреннее появляется тогда,
Когда есть внешнее, – справедливо отмечает он, –
Субъект – это жир и грязь…

Понимаешь, я не хочу остаться один
Если бы я пребывал в пустоте,
Я хотел бы быть вещью –
Это самое спокойное состояние

Иерархия в пустоте – это правильно,
Ей ничего не надо

Мы месим сменкой кислый снег
На дворе Петроградского ПНД
– О, говно! – замечаю я
– Собачники не убирают, – замечает Лёша

– Если я люблю движение,
Я люблю суету, – через какое-то время говорит он, –
Потому что она приятная…
Блин, никак не обойти эту какашку!

ИЗ ДОМАШНИХ БЕСЕД

«Мой лирический субъект сидит в Михайловском саду», –
Цитирую я с искажением песню Гребенщикова
– Злой твой лирический субъект, я бы за такого не вышла, –
Парирует Аня

Она недовольна предыдущим стихотворением
– Это не злое стихотворение, а твоя интерпретация
Кому-то оно покажется комичным, а кому-то трагичным
Есть вообще книга «Приключения какашки»,
Там она встречается с инопланетянами…

– Нет, ты обидел философов, пока они говорили о высоком, чуть не испачкались
– Да, шит хэппенс, это то, что оказалось внешним, формирующим субъекта

Хорошо твоему субъекту:
Можно в кого-нибудь врезаться на машине,
А потом сказать: «Это был перформанс,
Действовал мой лирический субъект…

[пауза]

– А в той песне лирический субъект совпадает с лирическим героем?
– Нет, лирический герой совпадает с персонажем

ИЗ РАЗГОВОРОВ ЗА СТАКАНЧИКОМ КОФЕ ЗА 45 РУБЛЕЙ

(продолжение)

Подошёл с Лёшей в магазин,
Где продают кофе и пирожки –
Там небольшая очередь
– Обстоятельства тормозят, – говорю
– Ситуация тормозит, – переделывает Лёша
– Что такое ситуация?
– Это воля Другого
[пауза]

– Присутствует ли в ситуации моя собственная воля?
– задумался Лёша, –
У меня возбудимый мозг:
Если я сразу что-то не пойму,
То уже никогда не пойму
[пауза]

– В общем, проблема ситуации осталась неясной, – досадую я
– Нам мешает Бог
– Какого Бога ты имеешь в виду?
– Отрицательного
До меня доходит, что положительного Бога вообще нет
Положительный Бог равен нулю

На выходе из магазина
Путь нам преграждает
                орава небольших детей с поводырём-воспитателем
У поводыря красный треугольный флажок

* * *

Я увидел социалку, когда пошёл работать поваром
В ресторан «Евразия»
Шеф Юра орал: «Я щас заставлю вас бритвой пол скрести!»
Хороший был человек

Работал сутки через двое по восемнадцать часов
Мой напарник Дилшод не закончил школу и не умел писать
Заказы делал я по телефону,
Оставляя пометки на бумажке,
А он внимательно наблюдал

Дилшод мечтал стать шефом и орать на своих братьев-узбеков
Я сначала тоже думал кем-то стать,
Но потом понял, что не могу кидаться сковородками в живых людей

Коля спрашивал, зачем я пошёл работать поваром
Я отвечал: чтобы вам всем стыдно стало

Наивный, я не понимал, что только комичен
А внутри себя мне было настолько гадко и одиноко,
Что я просто медленно съезжал
в какую-то страшную-страшную дыру
Наверное, это была реальность

* * *

Когда-то я писал стихи для одного человека
Моё мы состояло всего из двух
Это были очень хорошие стихи,
Полные любви и слёз,
Солнца, обиды, нежности, ребячества

Но их никто не заметил,
Они остались лежать конфеткой на летней веранде
На заляпанной выделениями скатерти,
Так и не став литературой

Я очнулся в сумасшедшем доме
Хмель сошёл как поволока лета в нашем северном городе,
Которая коротка и призрачна, хоть и красива
Мне было страшно одиноко
Моё мы кончилось и всё стало гнилым и уродливым,
В лучшем случае – никаким

Теперь я пишу концептуалистскую книжку,
Без рифмы и метафоры,
Без отчаяния и красоты,
Без всхлипов, одиночества, радости,
Неприкосновенных русских глаголов,
Обозначающих связь и разврат,
Обозначающих то, что нельзя
В мире, где больше двух

ПРОИСШЕСТВИЕ НА КУХНЕ

Блин, решил приготовить оливьешку
Поставил картошку, через десять минут добавил яйца
Прямо в горячую воду
Забыл, что так не делается

Дурацкая привычка оптимизировать действия,
Расходуя энергию минимально
На самом деле всегда получается наоборот
Вместо того, чтобы помыть руки,
Начитаешь перчить мясо грязными, пытаясь не запачкаться
Итог: перец просыпан
Пылесосишь пол под стулом
И, вместо того, чтобы стул передвинуть
Начинаешь скрести под ним, обходя ножки
Получается долго и некачественно

Лень – адаптационный механизм,
Но в этих случаях она подводит

Плавают, плавают яйца, выжженные кипятком
Вокруг четырёх картофелин

* * *

Приснилось, что мёртвая бабушка
Кормит меня чем-то съедобным,
А я отказываюсь

Просыпаюсь – и думаю, что если бы принял еду,
Навсегда остался бы там, с ней, в мире снов

Лёша говорит, что полное спокойствие наступит тогда,
Когда один станет двумя, а два – одним
Это и понятно:
Сотрётся различие, наступит конец языка,
А ведь человеческое – это языковое

И тогда останется только мир снов,
Где вечная бабушка будет кормить вечным обедом
Бррр [мотает головой]

Ещё Лёша говорит, что богема ближе к смерти,
Чем остальное общество
Это и понятно: поэты ходят пятками . . . (с)
А что, если мир снов прорвётся,
И богема утечёт в него?
Пожалуй, мне бы этого хотелось

Нелегко понимать чужие сны –
Перефразирую я известного немца
Да и свои нелегко

Думается, что мы живём двумя жизнями,
Во сне тоже происходят события,
И часто более важные
Там есть своё прошлое, любимые места,
Люди, с которыми ты продолжаешь общение,
Свои книги и стихи,
Своя вода и машина,
Которая почему-то тебе послушна и едет,
Немного другой брат и молодая мама,
Которую продолжаешь помнить только там

* * *

Всю неделю мистер Чилдан
с волнением просматривал почту…

Приснился сон
Проснулся – и стал звонить папе
Как будто в России не было революции,
И война между СССР и фашистской Германией не состоялась

Помню военный автомобиль, сделанный как гражданский
Только форма кузова напоминает о том,
Что в другой реальности машина была цвета хаки

Фашисты пришли к власти в Германии
(хотя, если бы не русская революция,
этого могло и не случиться)
Помню конец сна:
Современность, акция германского «Мемориала»,
К стенду с фотографиями жертв режима подходит офицер в форме СС
Форма новая, песочного цвета, на глазах очки:
Вы что тут устроили?
Я говорю: посмотрите на эти лица на фотографиях,
Вам их не жалко? Это всё офицеры Вермахта…

Папа: сон в руку,
Арестован Дмитриев, с которым ты ездил на Соловки,
Дочь в опеке, жена только что выписалась из больницы…

* * *

Мне кажется, люди не одни, – говорит Андрей
А я думаю, что нет более одинокого существа
Такая пустота открывается, когда теряешь внимание близких:
Как будто лежишь в свинцовой луже
На скрипучей холодной кровати,
В каком-то пупке мироздания,
И обдувают тебя волокнистые студни ветров,
И выедают из тебя последние остатки благополучия,
Помещая в прорехи боль

Говорят, что охотники, убив медведя,
Вспарывают ему брюхо
И греют руки у него в нутре, в горячей его плоти
И вот я лежу в свинцовой луже
И какой-то Космос вложил руки мне внутрь
И тихо, тихо

НОРМЫ ПОВЕДЕНИЯ

Убегание, – говорит Лоренц, – противоположно агрессии,
И это две стороны страха
Мужество вырабатывается стоянием в ситуации
Простое сдерживание – это мужество
Терпение – это контроль и победа

Так хочется иногда порвать, уснуть, убиться,
Только бы не терпеть и не ждать
На самом деле, остановка – это мучительно
Остановка – это когда ты внутри страдания и терпишь то, что есть

То, что есть – преходяще
Не надо убегать, ты разрушишь себя вместе с болью
Не надо бояться –
Всё, что случится, если будет мужество,
Укрепит

Молитва – то, что с краю боли
Она как «смекта» обволакивает и выводит
Молись демонам бессознательного,
Молись Богу детства, которого познал однажды

Мужество – то, что противоположно страху,
Агрессии и убеганию одновременно

НОРМЫ ДОМОВОДСТВА

Рождественским вечером,
В сочельник, так как в тусклое стекло окна
Уже билась светлая его звезда,
Мы с Аней затеяли уборку

Раскладывали вещи, нужные и лишние,
Опустошали сумки, наполняли ящики,
Комкали и выбрасывали бумажки и пластмасски,
Ходили в ванную, обнимались посередине комнаты,
Надевали красную футболку с вырезом,
Немного пританцовывали
И наводили, наводили…

Хорошо вдвоём,
Даже если лень,
Даже если вчера выпил и тело хочет просто ютиться в кресле,
Что-нибудь выбросить, как-нибудь наладить быт,
Очистить пространство жизни от скверны,
Выветрить вместе с мусором голову,
Положить её на любимое плечо
И пропеть:
«Равнозначная вечной весне…»

Особенно под этот мороз,
Особенно в сочельник,
Когда уже взошла светлая его звезда
И всё хорошо

* * *

Когда наступает ночь, начинается магия темноты
Сходил в магазин за продуктами и сигаретами
Смотрю «Блондинку в законе-2» и плачу в одном месте
Диснеевская туфта настраивает на сентиментальный лад
Как ночная темнота, меняющая восприятие

Когда наступает ночь,
Милый касатик Аня возвращается от ученицы
В хорошем настроении и с деньгами
Можно пойти в кино с сестрой
Быт вызывает сентиментальность, как голливудское кино
И ночной поход на свежий воздух

Вчера выпил четыре рюмки текилы в компании друзей
Было весело и уютно
Наша кухня стала обитаемой
Это навевает сентиментальность, хочется с утреца лёгкого кино,
Кофе, сигарету и ещё сигарету
Похмелье похоже на ночную прогулку
На тёмный створ окна, за которым прохлада,
Чуть мягкий снег, превращающийся в кашицу,
Приятно разваливающуюся под ботинком

Я купил три пачки сигарет
Это мой рацион на полтора дня
Полтора дня на кухне перед телевизором,
Где есть место для гостей
А в данную минуту Анюта варит крепкий чай на две чашки

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Что делать, когда мало сил, истощение
Вялость и осторожность
Хочется курить и пить кофе
А больше всего – разговаривать по телефону

Сегодня вспомнил Чернышевского,
Его дома из стекла и алюминия
Всё сбылось, кроме социализма

Наверное, пора на покой
У меня есть всё, чего я хотел в жизни
Уехать с зайцем в провинцию, маленький белорусский город,
Где чистая земля

Погода и расстояния
Метро и пьяная сволочь
Хамство и мат
Петербург кончился,
Как всё хорошее и всё плохое
Хочется домой, в лето и зелень,
В маленький мир хороших продуктов и погоды,
Тихий Университет

Что делать, когда нет сил и вязкий недремлющий ум,
Сонливое хождение, сломанный сканер и письмо маме?
Тихая провинция – мечта,
Далёкая от роения Чернышевского,
Далёкая от какого бы то ни было строительства,
Прожектёрства, литературы

Хочу успокоиться и отдохнуть

НОРМЫ ТЕРПЕНИЯ

Невыносимо неспокойно
Всё, что может стерпеть лист, прогибаясь под лёгким налётом чернил,
Трудно снести человеку в морозную полночь
То слабость, то тревога
Ощущения похожи не на чувства,
А на какие-то миноги, сосущие сердце
Всё – труха

Сквозь труху мышц и внутренностей
Прорастает темнота, крошится и колет
Бумага стерпит любые слова

Где предел страданиям и энтропии?
Нервы, кажется, не кончаются
Они прорастут и туда, в сон и небытие
Они будут висеть ржавыми нитями
На ободке вечности, в которую всё проваливается рано или поздно

Невыносимо плохо,
Остаётся ждать влажных объятий рассветной молочной жижи,
Которая бывает вместо солнца
Тогда тело станет подобно бумаге, которая умеет терпеть

НОРМЫ СТИХОСЛОЖЕНИЯ

– Ты мой тапочек, – говорил я Анюте
– А ты мой второй тапочек, – отвечала спросонья
Вспомнил все стихи, что сочинял другим
Зря

Это отличное стихотворение,
Которое не надо сочинять
Вообще, всё лучшее
Существует само по себе
В словах и без слов

Если бы можно было обойтись без этой книги,
Было бы ещё лучше
Но то, что движет,
Движет

Что-то всегда заставляет совершать лишние действия,
Портить то ядро,
Которое уже целое и ничего не требует

* * *

Я забрасываю цель вперёд как теннисный мяч
Из романа Набокова
Всё, что мной движет – зеленоватая точка в лунке времени
Лунки, лунки – они всегда впереди и нигде

Я не существую в сейчас
Как заправский коммунист, мною движет идея Времени,
Идея цели и похода
«Это даже хорошо…» – пел доктор

В настоящем мне неуютно, тревога, слабость и отчаяние
Иногда вместе, иногда зуд, иногда невыносимо
Редко бывает мир и покой
Всё на потребу цели и завтра,
Которое никогда не наступает,
Нет наслаждения, нет разрядки, только накопление и стресс

Почему нельзя остановиться на одной кнопке,
Просто замереть в неизвестности
Без планов, ожиданий, поступков и средств?
Просто забыться в одном мгновении,
Превратиться в удар мяча о сетку ракетки?
Зеленоватая точка, зеленоватая точка…

НОРМЫ УДОВОЛЬСТВИЯ

Как-то сказал Ане:
«Мне не нужно больше денег, я абсолютно доволен жизнью»
Странно, что здесь замешаны какие-то деньги,
Ведь дело совсем не в них

В 2006 году я написал хорошие стихи
И в собственных глазах превзошёл, покорил и взорлил
Никто этого не заметил
Прежде всего, потому, что я имел дикие привычки,
Ведь я с окраины, из гопницкой школы №62,
Из пьяного парадняка, из перестроечной расхлябанности,
Из рок-н-ролльной недокультуры

Поначалу я не обращал на это внимания,
Ведь мне надо было изготовить вещество,
Но потом, когда жизнь стала распадаться,
Пришла болезнь с её отупением и одиночеством,
Абсолютным пределом отчаяния и обиды…
Я стал владельцем небольшого корытца,
Наследия, которому невозможно найти применения
И которое только разжигает страсть,
Поскольку идёт выработка тщеславия и требуется какой-никакой уход:
За корытцем и за собой, уже тоже надтреснутым

Долго я строил свой быт, отказываясь, возвращаясь и завоёвывая,
Что-то ломая, чему-то учась,
Искал людей, искал подходы, слова
И вот, спустя десять лет,

Я стал почти целый,
Расщеплённый только в качестве субъекта,
Но на поверку крепкий и терпеливый,
Заботливый и довольный заботой,
Воинственный и тихий в зависимости от обстоятельств:
Места, времени, сил и людей

Мне даже не очень нужно взорлять,
Хотя это по-прежнему приятно,
Ведь идёт выработка тщеславия, маленького сильного духа литературы,
Но я уже просто есть,
В себе и с ней, на бумаге и в доме,
На вечеринке и в кино,
По дороге в магазин и за утренней сигаретой, –
Везде что-то греет и ладится,
Особенно, когда Аня трогает мне спину крепкими пальцами
И проводит вниз-вверх…

Я чувствую, что я не молод,
Что двойной тестостерон спит –
И это изумительно прекрасно,
Как сказано в тысяче книг поэтов,
Когда просто и величественно,
Нет отчаяния и боли,
А есть растворение, покорность, счастье,
Все эти финтифлюшки обычного поведения,
Доступного немногим пишущим и скорбящим

Нелегко прекратить свою кровь,
Я люблю пребывающих в мире

* * *

Чтобы отрешиться от повседневных забот,
Каковые я почитаю императивом бытия,
Единственным островком нравственности,
Благородной наготы, позволительной гражданину…
Так вот: чтобы отрешиться, не думать о войне,
О деньгах и обидах,
Преступной Власти и профарисейской организации РПЦ,
Надо настроить TV на канал Рен!

Там нам расскажут, что Иисус был в Индии,
Что ковчег завета – что-то вроде реактора космического корабля,
Посетившего Землю при фараоне Эхнатоне,
Изобретателе монотеизма,
Покровителе левитов…
Стоп, это уже из другого канала,
Из замусоренного фрейдистского сознания,
Из замусоренного фрейдизмом сознания…

Так вот:
Земля медленно охлаждается и покрывается грязевыми пузырями
И, чтобы выжить,
чтобы отрешиться от быта и гражданских поползновений
На неиссякаемый источник жертвенной Власти,
На её благолепный канон и закон,
Надо приуготовить тело и дух к грядущей катастрофе:
А именно:

[здесь фантазии не хватило]

Перечислим факты:
Иисус воскрес, поскольку был инопланетянин,
Манну вырабатывал тот самый реактор,
Пирамиды – следы высадки древних космонавтов,
Цивилизация – опыт иноземной колонизации…

Всё это весьма правдоподобно,
Познавательно
И объясняет многие вещи,
Мешающие отрешиться, не думать, просто сеять и жать,
Земля пузырится в некоторых местах,
Грязь из подземелья выходит ядовитыми испарениями,
Всё куда-то обрывается и скоро покажется небо в крючьях,
Вода в белом пламени холода,
Огонь, пожирающий планету изнутри,
Мёртвое дерево, выжженный воздух,
Железо, несущее только смерть и ядерный апокалипсис,
Мёртвое поле без черенка и возможности сохранить быт,
Возможности противостоять или отрешиться,
Выбора больше не будет,
Времени больше не будет…

ВАННОЕ МЕСТО

«Ванное место, где можно остаться совсем одному…» –
Напеваю я внутри беспокойного тела
Или разума?
В чём находится опущенный в воду гражданин?
Тело в воде, в теле кость и нерв,
В нерве душа и фантазия

Фантазия у меня дикая,
Сны, живее жизни, где совершаю космические полёты
И встречаю бабушку, школа, экзамен по математике…
Но вот не хватает таланта сочинить нечто вроде простой песенки,
В которой бы рассказывалось о том месте, где ещё никого не было
Может быть, надо описать жизнь тела
Прыщик какой-нибудь
А может, нерв, в котором душа и память, фантазия

Сбросить груз проблем мировой литературы
Она как капитал стремится к сохранению
и приумножению самой себя,
Меняя структуру по завету Лотмана

А вот если взять булыжник и как жахнуть в пыльное её лицо,
В это сияющее пространство крепдешиновых одежд,
Снять всю эту рухлядь и плеснуть тело в ванну,
Чтобы брызги, чтобы вытеснить из сосуда его тяжесть,
Чтоб зазвенело!

Так я думаю,
А заяц спит, укутавшись,
Он болеет и принимает ванну с маслом чайного дерева
Я вот тоже, чтобы не заболеть,
Мысленно принимаю ванну
И напеваю внутри тела и сознания:
«Ванное место…»

ДУЭЛЬНЫЙ КОДЕКС

14 февраля – праздник тех, кто понимает, как жить
Когда-то и я ворочал нос и презирал розовую помаду
На снежной ещё земле моего города,
Запёкшегося в темноте зимней ночи

Всё запекается в темноте
Огонь в духовке невидим, но греет
Так рождается норма и прилежание
Слово из советского учебника,
Слово на натянутую троечку,
Но оно вырабатывается и производит
В год ставосьмидесятилетия дуэли
Того, кто был непонимающ
С тем, кто вообще ничего не соображал…

Господа, давайте жить!
Трескать розовое мороженое,
Запасаться картоном,
Не надо ревновать сябя сентиментального к себе мудрому,
К тому, чей ресентимент разогрет и жаждет боли,
Чьё страдание всегда чрезмерно
И это его право

Всё, что составляет боль этого мира,
Его трезвую скорбь,
Его каждодневную борьбу,
Его войну за кусочек гармонии, –

Ведь это как с рифмой,
С ней хорошо, она убаюкивает,
Веет древними шаманскими практиками,
Заговаривает. . .
Так тоже нельзя
Мы не на её стороне
Но не будем отказываться от радости,
в честь которой сегодня взошло солнце
Самое яркое в этом мерзком феврале,
Когда уже невыносимо нехорошо от мрачной зимы,
Когда кости проварены тьмой и холодом
А оно взошло и велело любить

14 февраля – праздник тех, кто понимает
Как хорошо бывает, когда нормализована психика,
Когда есть то, что есть
И это не больше и не меньше того, что могло бы быть
Господа, поздравим и примиримся с сентиментальным порывом
И не будем стреляться

* * *

– Посмотри, какие у тебя ресницы длинные,
И какие губы пухлые,
Ты же урод, ты вша, –
Говорил мне одноклассник, и я ему верил

Садистские советские дети,
Они смеялись и били,
Они рассказывали скабрезные анекдоты
И дрочили в ванной по вечерам

Их страшное окружение,
Неумение подтягиваться
И висеть сосиской на перекладине
Сформировали моё отношение к чужим:
Мир полон страдания,
Как говорит одна из благородных истин,
И оно везде снаружи

Внутри сначала задрожала тоненьким нервиком любовь к Богу,
Потом я стал защищаться от мира с помощью воображения
И немногих близких

Всё, что есть – это контекст,
Контекст одиночества
Если есть ладонь, готовая принять твоё рукопожатие
Или губы
Или книги
Ты можешь жить,
Потому что страшные садистские дети выросли

НОРМЫ ФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Михаил Петрович, физрук
Любил играть с детьми в баскет на кукуреку
Мне он говорил:
– Смотри, тебя же можно одним мизинцем уронить
И тыкал своим крепким пальчиком в плечо

Спустя годы я решил проверить,
Действительно ли я отсос или
Чего будут стоить тысячи слов… (с)
Я пошёл в спортивный клуб «Шаолинь»

Удивительно, но мне страшно нравилось
Уставать на тренировках,
Когда мышцы проработаны,
Налиты приятной тяжестью
И ты стоить в ржавом неприглядном душе
И меняешь тёплую струю на холодную
С воплем «бррр, хорошо»

Но было уже поздно
Я не мог отомстить тем, кто таскал меня за длинные патлы,
Не мог врезать хаму-недоростку,
Отнять обратно футболку с Кинчевым
Или выиграть у Михаила Петровича кукареку

Всему своё время

* * *

Я вернулся в мой город-музей,
Где на каждом углу
Кто-то когда-то посрал
И кучка забронзовела

В Москве давит всё,
А здесь открывается вид
И в виде этом приходится существовать
Элементом декора,
Малой частью большой декорации

Россия – страна потёмкинских деревень
За приличным фасадом
Имперской помпезной картинкой
Страшная страшная тьма коммуналки
С шумным толчком

Город-музей прикрывает своих дочерей,
Ссыт им в мозги телевиденьем,
Напичканным советскими фильмами
И ток-шоу, где все орут и женятся
И потом спускают детей в мусоропровод

За фасадом города-музея,
Где Ольга Берггольц тихо спивалась,
Порушенная изнутри
В отсутствии капремонта системы телесных проводков,
Без которых духовка темна
И постоянно заваливается
В северный мрачный день,
Похожий на ночь

НОРМЫ МЕР

Возник спор:
Вешалка или этажерка?
Выбор чреват тем, что второй вариант развития событий
Никогда не реализуется

Пространство одно, оно ограничено стенами,
Сантиметрами обжитого пространства
И пространства, требующего обживания

Время одно, оно ограничено смертью,
Временем сна, обеда, прогулки, работы –
Времени мало, пространства много

Когда много времени, пространства меньше,
Потому что время не заполнено объектами траты,
Событиями и другими длительностями –
Оно поедает ограниченное пространство,
Которое сужается

Когда времени мало, пространства больше
Так как то, что казалось недостаточным,
Легко умещается в ложе единицы того времени,
Которое остаётся свободным

Диалектика вешалки и этажерки рождает некоторую досаду
На то, что одно нельзя сделать многим,
Что в одну единицу пространства-времени
нельзя вложить две единицы выбора

* * *

Диме Григорьеву

Высасывать книгу из пальца непросто
Трудно решиться описывать то, что валяется под столом –
Мятая салфетка, комок пыли, провод или коробочка из-под лекарств
Из этого не сора, а малой части бытия
Можно создать масштабное полотно

Как только начинаешь ковыряться в вечности,
Писать о Родине, долге, чести и любви,
Получается напыщенно, неправдоподобно, жалко и мелко
Потому что писать надо о вещи

Вещь живёт совсем незаметной жизнью,
Она ходит около нас неслышным зверем,
А мы её пропускаем,
Мы тонем в ней, но её не видим

Почувствовать пульс настоящего, отрешиться от задачи,
Метода, идеи, пафоса и темы
Отрешиться от всей херовой литричи
С её шаблонами говорения,
С её наскальной живописью больших размеров
Стать червячком

Червячок, крохотный гад
Вымарывает из почвы себя,
Своё тщедушное тельце, способное быть правдой
Реальное – это земля внутри червячка,
Она проходит каждый божий день вдоль его брюха,
Она – есть

Пиши о том, что есть
Нет ни Родины, ни царя, ни пьянства, ни разлуки
Только встреча с землёй, которая шумит внутри органов
Споткнись о быт, о сейчас, о Время с его дроблением
И не забывай записывать
Иначе ты не запомнишь, как был сегодня

К ВОПРОСУ О ЛИЧНОМ

Спорили с Алексеем К. о том, что такое социальное
Я предложил разделить социальное и общественное
Социальное – это уровень семьи,
То, что возникает между ребёнком и отцом,
Язык, предлагающий закон…
Социальное неотменимо, это условие коммуникации
И человеческого как такового

Общественное – это уровень работы,
Это необязательные (?) социальные отношения,
Которые связаны с коммуникацией условно,
Здесь лишь отражение семейной истории,
Того, что недоделал язык,
Того, что может в качестве компенсации за боль и обиду
Сделать паттерн и гештальт,
Здесь конструкции, плоды мысли (в отличие от семейной фантазии)

Артемий Владимирович, философ и смелый ум,
Конечно, обосновал бы это лучше,
Приведя доводы Гегеля или Дюркгейма,
До которых у меня пока не дошли руки
Да и надо ли?
Каждому свой огород ума и таланта
Я чётко понимаю разницу между социальным,
Маленьким социальным Эдипа и языка
И большим публичным,
Где на арене сталкиваются фантомы семейной боли
И рушат и созидают новые общественные смыслы и отношения

НОРМЫ ВРЕМЯПРОВОЖДЕНИЯ

Андрей Николаевич – художник
Он любит поэта Родионова, которого не люблю я,
Но также он любит поэта Куляхтина, которого люблю и я
Мы сидим на маминой кухне и лопаем тыквенный суп,
Который нравится ему и не нравится мне
Мама только что купила у него пейзажик
И он, как честный торговец,
Предложил мне 10% комиссионных

Мы говорим о школе вовлечённого искусства,
Акционизме и месте политики в искусстве
Я, закрывая дверь туалета, присоединяюсь к беседе:
– Моя мысль такая:
Художник может быть политически ангажирован,
Мандельштам и Цветаева, Пикассо
                были политически ангажированы,
Но он должен сохранять свою первую идентичность
Он должен быть профессиональным автором,
А не политиком
Если у человека две идентичности, неизбежно происходит перекос
И это не в пользу искусства

Потом мама развозит нас по домам
На своей копейке BMW
– Немецкое качество, – замечает Андрей Николаевич
Сам он профессиональный велосипедист,
Изъездил всю область вдоль и поперёк

Дома его ждут два кота
Один рыжий, а другой тёмный с оранжевым отливом,
Тот, что с отливом, болеет
И Андрей повязал ему на спину кусок белой ткани
Кот-санитар, пугливый поскрёбыш,
Хозяин обязательно купит тебе чего-нибудь вкусненького

ВСТРЕЧА С ЧИТАТЕЛЕМ

В последний день зимы
я хотел сидеть дома с милой А.
и читать Некрасова
Вместо этого позвонил брат и сказал,
что прилетает на один день в Питер
на переговоры

Я сорвался и поехал в гостиницу «Бельведер»
на Большую Конюшенную 29
По дороге съел в уличном «Теремке»
два блина с клубникой,
поскольку «Лакомку» в уличных не дают,
а хотелось сладкого

Мы долго искали какую-нибудь кальянную
Зашли на Конюшенную площадь,
где отпевали Пушкина и Курёхина,
вышли на Грибканал и долго шли в сторону Сенной…

Наконец, нам улыбнулась удача
Два парня что-то поправляли над входом в подвальчик
Я спросил:
– У вас есть кальян? Карточкой можно расплатиться?

Это оказалось заведение с шоу-программой,
на которую мы не рассчитывали
Полутёмный пустой зал и музыка тынц-тынц-тынц
Немного вялый танец на пилоне без раздевания…

Девицы подсели и вытребовали себе по коктейлю
Мы решили их не гнать, к тому же атмосфера была так себе,
поскольку молодой кальянщик
не сумел сделать кальян на грейпфруте,
как любит брат,
и пришлось договариваться о том,
чтобы кальян заменили и сделали уже простой

Девчонки, Кристина с силиконовым ртом
и вторая, которая танцевала,
слегка развеяли нашу тоску
Всё что-то спрашивали, улыбались
и больше ничего не вымогали

В конце, когда мы почти было собрались
та, что танцевала,
спросила:
– А ты чем занимаешься?
– Я писатель
Сама она, помимо танцев, занимается спортивной ездой на собаках

Пришлось дать ей ссылку на Википедию
И предложить почитать мои стихи и эссе

ОБРАЗ АВТОРА

Без интернета я злой и нервный
И зло и нервно вспоминаю, как А.,
Жена поэта Б., расспрашивала о моей болезни

Я ей тогда не сказал, что это личное,
А попробовал объяснить, что структура паранойи
Описана в любой хорошей книге на тему
Например, в «Маятнике Фуко»,
Или в фильме «Игра» с Майклом Дугласом
Зачем рассказывать то, что рассказано много раз

На самом деле я боялся, что контент моей истории
Будет слишком связан с переживаниями,
Которые я до сих пор испытываю, например, во сне
И всё это по-прежнему болезненно и шатко
И вообще моё личное
Личное, понимаете?

Читаю томик Некрасова
И поражаюсь силе его таланта и ума
Конечно, есть некое проектёрство в его народничестве,
В его любви к низовым криминальным сюжетам,
Доходящей до смакования и часто болезненного фантазирования
Но мы же не упрекаем в том же самом Фёдора Михайловича!
Или упрекаем?

Некрасов суперсовременный радикальный художник,
Озабоченный прежде всего условиями творчества,
А не контентом
Это настоящий Малевич классической эпохи,
Способный писать пейзаж не хуже Хокусая,
Но предпочитающий концептуальный эксперимент,
Тему и идею

В таких думах проходит мой день без интернета,
Когда я зол и нервен
И только что-то непостоянное и прерывистое
Может задержать мой ум и сердце
А сердце у Некрасова было огого!
Мне бы такое

«ДЕВЯТЬ ИЗМЕРЕНИЙ»

Взял в библиотеке «Девять измерений»,
Дабы прокачать нетвёрдый ум
И решительным натиском завершить книгу
Каким-нибудь тарабумом
Читаю

Зайдя на кухню покурить,
Вижу Лотмана, вещающего про Пушкина и Смирнову-Россет
Старый лис хорош, что ни говори

Заяц смотрит фильм про женщину,
Которая изобрела самоотжимающуюся швабру
Люблю такие фильмы
Это очень похоже на мою работу
Надо постоянно что-то изобретать и внедрять в язык,
А потом бороться за рынок, сознание реципиента,
Хотя, кажется, если изобрёл, всё должно складываться само собой,
Но почему-то этого не происходит

90-ые с их надеждами и весёлой суетой сгинули
Пришло озлобление, нищета и горе
Ощущение заброшенности возросло многократно,
Превратившись в перверсию и революционный зуд,
Безóбразность языка и апатию,
Заострение конфликта до рукоприкладства,
Отчаяние, нетрезвость и хамство составляющих
Уж какая тут Смирнова-Россет,
Выжить бы…

Изобрету швабру и буду ей швыряться
В наглые и глупые лица тех, кому всё равно
Буду гладить под языками тех, кто ещё способен воспринимать
Буду озадачивать тех, кто потерян

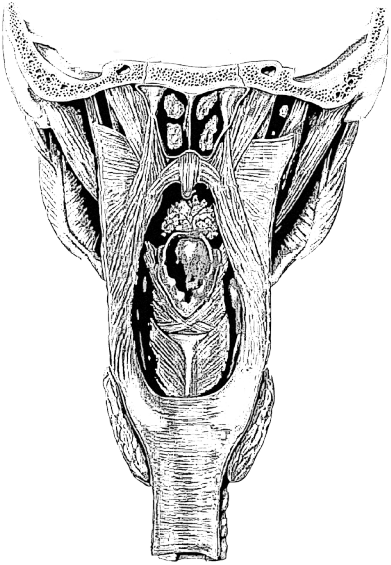
Милости, милости прошу к павшему
Павшим сделался я хором
Хором букв, солёных от злости,
Хором сплетённых верёвочек, выжимающихся на мокром ветру в момент:
Ррраз!

СОДЕРЖАНИЕ:

Пустая коробка 5
«Бывает такое состояние, некое междоумье…» 6
«Перфекционизм – болезнь нижних…» 7
«Всё началось с разговора о «выборе»…» 8
«Быт – это другой…» 9
«Вот, хотел написать стихотворение…» 11
«Каждое слово – склеп, остов гроба…» 13
«Я здесь каждый день…» 15
«Сегодня со мной произошёл удивительный случай…» 17
«Конечно, я хочу своего аналитика…» 18
Собачка дружбы 19
Коан о природе 20
«Ветви рискуют, выпуская свою зелёнку…» 21
«В романе XIX века…» 22
«А ты не видел у меня в цитатах…» 24
«Если бы я не занимался поэзией…» 25
Свадебные сборы 27
Рассуждения в летнем кафе 29
Рассыпавшаяся пуговичка 30
Плохой 32
«Аня говорит, что я делаю мир виноватым…» 34
Ресентимент контейнирует чужую вину 35
Коан о преимуществе восточных систем мысли 37
«Нерасторопный лесной комар…» 38
«Комары – неправильные чуваки…» 39
«Вот я почти женат…» 41
«Аня слушает Янку полулёжа на нашем диване…» 42

«Солнца нет…» 44
«Воскресенье» 45
О пользе режима 46
О целеполагании 48
Нормы проектирования 50
Из разговоров за стаканчиком кофе за 45 рублей 51
«Нервничать можно по поводу и без повода…» 52
Накануне 53
«Я понял, что меня по-настоящему волнует…» 55
Бог на протезах против Бога страдающего 57
Россиянка 59
Нормы землепользования 60
«Сегодня с Андреем, художником, достойным уважения…» 62
«Как-то один физик…» 64
Творческое пространство «0+» 65
Из разговоров с Саввой Петроградским 67
Коан о субъекте 68
Из домашних бесед 69
Из разговоров за стаканчиком кофе за 45 рублей *(продолжение)* 70
«Я увидел социалку, когда пошёл работать поваром…» 71
«Когда-то я писал стихи для одного человека…» 72
Происшествие на кухне 73
«Приснилось, что мёртвая бабушка…» 74
«Приснился сон…» 76
«Мне кажется, люди не одни…» 77
Нормы поведения 78
Нормы домоводства 79
«Когда наступает ночь, начинается магия темноты…» 80
Что делать? 81

Нормы терпения 82
Нормы стихосложения 83
«Я забрасываю цель вперёд как теннисный мяч…» 84
Нормы удовольствия 85
«Чтобы отрешиться от повседневных забот…» 87
Ванное место 89
Дуэльный кодекс 91
«Посмотри, какие у тебя ресницы длинные…» 93
Нормы физического развития 94
«Я вернулся в мой город-музей…» 95
Нормы мер 96
«Высасывать книгу из пальца непросто…» 97
К вопросу о личном 99
Нормы времяпровождения 100
Встреча с читателем 102
Образ автора 104
«Девять измерений» 106



niding.publ.UnLTd
2017